

Феномен Путина

В эти дни большинство СМИ, политологов, политиков и примкнувших к ним комментаторов много пишут, говорят и думают о том, что же ждёт Россию с Путиным. С Путиным 3.0, как на манер компьютерных программ говорят одни, с вечным Путиным, как (пытаясь сотворить натянутую аналогию с поздним Брежневым) юродствуют другие, с новым Путиным («вынужденным») считается с маргинальной оппозицией), как пытаются поправить выбор народа третьи.

Путин, как и любой талантливый политик, всегда неожидан. Но все, кто наблюдал его последние 12 лет, в течение которых он работал локомотивом приведения мира от однополярности к многополярности, должны были бы усвоить: неожиданность путинских решений — не более, чем красивая тактика, умение достигать успеха не ценой больших жертв и невиданного упрямства, а путём организации красивых, не предвиденных оппонентами ходов. В целом же путинская стратегия остаётся неизменной. Её можно охарактеризовать и как консервативно-охранительную, традиционалистскую, с социальным уклоном, и как квазибюрокрацизм (лабиринт между интересами различных групп, сословий, классов и каст населения новой России), и как неоимперский тренд — реставрацию политики династии Романовых в новых политических, экономических и исторических условиях. В каждой из этих характеристик есть доля истины. Но полной истины нет даже в их совокупности.

Даже если мы скажем, что Путин — неидеологизированный государственный менеджер первой четверти XXI века, то и эта характеристика не полностью исчерпывает феномен Путина и не даст ответа на вопрос «что же будет с Родиной и с нами» в ходе его третьего и, гипотетически, четвёртого срока.

Думаю, что проще, понятнее и правильнее всего охарактеризовать Путина, «систему Путина», «план Путина» и путинизм, как политическое явление, может подход от противного: чем не является Путин и что было бы без Путина?

Вначале о том, чем Путин априори не является. Несмотря на все сте-



нания маргинальной оппозиции и зарубежных «друзей» России, Путин не является диктатором. Он унаследовал от Ельцина устоявшуюся систему личной власти, которая гарантировала лично Путину пожизненное правление (США не волновались бы и по поводу пятого срока, как не волновались по поводу расстрела парламента в 1993 году). В его силах было с минимальными косметическими изменениями сохранить эту систему. Её уже нет. Понимаю, что многие скажут, что система осталась. Лучше всего эту точку зрения опровергает поведение потомственного коммуниста Геннадия Зюганова. Геннадий Андреевич выиграл у Ельцина выборы 1996 года. Сегодня это признают все, даже те, кто выборы Ельцина (лично Ельцина, а не президента России) организовывал. Зюганов знал, что выборы выиграл, но молчал. Он признал фальсификатора, уголовного преступника, а с точки зрения коммунистической идеологии человека, вписывающегося в один ряд, если не с Гитлером, то с Муссолини, человека, укравшего у него победу, законным Президентом Российской Федерации. Призвал потому, что боялся репрессий. Он не готов был идти ни на баррикады, ни в кон-

цлагеря. Он хотел участвовать во власти и готов был играть по её правилам.

Сейчас Зюганов «не признаёт» победу Путина, одержанную настолько прозрачно и убедительно, что, в сравнении с ней, победа Барака Обамы на выборах в США почти четырёхлетней давности — одна сплошная махинация и фальсификация. Победу, которую с точностью до статистической погрешности предсказала даже оппозиционная (поддерживающая либералов) социологическая компания «Левада-Центр». Учитывая сервильность Геннадия Андреевича по отношению к ельцинскому режиму, такую его «сверхсмелость» я не берусь объяснить иначе, как уверенностью в том, что «путинский тоталитаризм», в отличие от «ельцинской демократии», не грозит ему репрессиями за участие попытке государственного переворота. А попытка, пусть и потешная, была. Или кто-то сомневается в том, что авторы «болота» и «проспекта Сахарова» устроили бы в Москве оранжевый путч, будь у них хоть малая надежда на победу?

Путин не является либералом, готовым за вознаграждение разложить и уничтожить собственное государство под крики о том,

что государственное вмешательство в экономику нерентабельно, а частный интерес и «невидимая рука рынка» наполняют магазины и кошельки по мановению волшебной палочки. Путин отдаёт себе отчёт в том, что если в США наполняют, а в Либерии нет, то проблема не в элитах, а в том, что США могут послать к берегам Либерии авианосную ударную группу и «поправить» ошибки «невидимой руки рынка», если она наполняет кошельки не в пользу США. И Путин хочет, чтобы его государство могло защитить интересы своих граждан, а не абстрактного «мирового рынка».

Путин — не коммунист и даже не социал-демократ. Он не ставит социальную защищённость на первое место. При нём бизнес в России не платит шведские налоги в 40-60% от прибыли (не считая прочих социальных обязательств). Путин просто понимает, что государство прочно тогда, когда инициативные люди имеют возможность проявлять свои склонности, в том числе и в приватном бизнесе. Что они создают рабочие места и обеспечивают зарплатой миллионы сограждан, и поэтому государство должно перераспределять их заработок через бюджет, создавая условия для коррупции, а грамотно регулировать взаимоотношения работников и работодателей (путём ус-

тановления реального уровня минимальной заработной платы, путём законодательного принуждения работодателей к выполнению социальной функции в тех случаях, когда их предприятие является градообразующим и в иных подобных, путём обеспечения конкуренции рабочих мест, за счёт установления конкурентоспособных зарплат за выполнение аналогичных обязанностей на госслужбе). Путин пытается выстроить такую государственную систему, в которой частное и общественное будут не бороться друг с другом, а творчески конкурировать. Это сложно, может быть даже невозможно, но если не стремиться к идеалу, то и делать ничего не надо.

Наконец, что было бы без Путина. А ничего не было бы: ни штанов красных, ни шапки булатной, ни коня горячего. Достаточно взглянуть на Украину, которая имела, как минимум, не худшие стартовые условия, чем Россия, которая без зазрения совести доила Россию в эпоху ельцинского безвременья и собиралась на российские деньги вступить в НАТО и в ЕС, чтобы понять, что было бы с Россией, окажись у власти не Путин. Не было бы уже России, как практически нет Украины. Межигорье есть, Качановская колония есть, что-то подобное правительству и парламенту ещё шевелится, а государства нет.

Добиться того, чего добились путинские оппоненты, почти угробившие в своё время Россию и угробившие Украину, несложно: знай себе воруй и не о чём не думай. Добиться половины того, что сделал Путин, архисложно, почти невозможно, с учётом того, какое наследство ему досталось.

И у меня нет оснований считать, что Путин третьего срока будет работать хуже, чем Путин первых двух. Скорее лучше, потому что опытнее. И дай нам Бог такого Путина или хотя бы его бледную тень.

Ростислав Ищенко, президент Центра системного анализа и прогнозирования

СОБЫТИЯ

Более 1 млн украинцев получают зарплату ниже минимальной

1,3 млн украинцев на конец 2011 года получали зарплату, которая ниже минимальной, зарплата еще 700 тыс. человек колебалась в пределах минимальной. Об этом заявил директор Департамента поступления доходов Пенсионного фонда Украины Василий Литвиненко.

В то же время легальную зарплату, которая превышает 17 прожиточных минимумов для трудоспособных лиц (18,2 тыс. грн), получают почти 100 тыс. украинцев. По слова Литвиненко, этот показатель является максимумом, из которого производятся отчисления в общеобязательные государственные фонды.

«Есть максимальная сумма, после которой отчисления не берутся». Такой потолок «определен законом и не может превышать 17 прожиточных минимумов для трудоспособного населения. То есть, на сегодня максимальная сумма, с которой уплачиваются взносы, составляет 18 241 грн», — сказал Литвиненко.

По его словам, речь идет не о снисходительном отношении к средствам «толстосумов» — таким образом установлены «предохранители» для расходной части бюджета ПФ. «Если всю зарплату облагать, то надо, соответственно, платить и сверхвысокие пенсии. Ведь по ныне действующему законодательству размер выплат человеку на склоне лет напрямую зависит от сумм уплаченного взноса», — сказал директор департамента ПФ.

Вместе с тем директор департамента ПФ отметил, что поднимая «потолок» выше 17 прожиточных минимумов, «мы рискуем нарваться на обратный эффект — теннизации зарплаты».

Левый Берег